

гдѣ-то Достоевскій, легче отыскать ея обладаніе авторомъ, чѣмъ обратное: сила эта, не отдавая ни себѣ, ни автору отчета (недаромъ же она—«сила»), неожиданно охватываетъ всѣмъ существомъ человѣка,—вдругъ, какъ говорится, «осѣдлаетъ» его,— и тогда самый вопросъ, талантъ ли обладаетъ человѣкомъ, или человѣкъ талантомъ, долженъ быть рѣшенъ одинаково и безразлично для всѣхъ, будетъ ли то талантъ геніальнаго художника, артиста, ученаго, оратора или, просто-на-просто, талантъ того Гоголевскаго враля («талантъ вранья»), который начавъ о чемъ то рассказывать—«можетъ быть, и сказалъ бы правду, но *сами собою* представились такія подробности въ разсказѣ, что уже никакъ нельзя было удержаться и сказать правду»...

Что же собственно ставимъ мы въ заслугу *таланту*, разъ мы увидѣли въ немъ, вскрывъ его сущность,—*даръ*, т. е. ничто не прибрѣтенное личными сознательными усиліями? Высшаго выраженія для своего таланта, кромѣ того, что онъ есть талантъ, обладатель его не имѣетъ. «*Genie oblige*» (геній обязываетъ) говорилъ Листъ,—то же должно сказать и про талантъ: талантъ *обязываетъ*, талантъ есть призваніе, выбранное этически: отымите у него это значеніе,— и онъ дѣлается центромъ для самаго себя, деспотомъ, которому все должно служить для его успѣха въ его бурномъ стремленіи впередъ. Употребляя метафору героя одного изъ произведеній покойнаго Гаршина, можно сказать, что талантъ, въ этомъ смыслѣ, есть какъ бы локомотивъ съ открытою паропроводною трубою, которому остается одно изъ двухъ: или катиться по прямому, узкому не имъ устроенному желѣзному пути и докатиться до станціи (храма славы), или сорвавшись съ него, превратиться изъ стройнаго чудовища въ жалкую грудку обломковъ; а такъ какъ, съ другой стороны, и другіе «таланты» добиваются той же участи, т. е. дока-